

Храпунов Н. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Khapunov N.

V. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

УДК 910.4(477.75)+908(477.75)

БРИТАНСКИЕ ТРАВЕЛОГИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА О КРЫМЕ И О БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ: НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ¹

LATE-EIGHTEENTH AND EARLY-NINETEENTH CENTURY BRITISH TRAVELOGUES ON THE CRIMEA AND BELORUSSIAN LANDS: SOME OF THE PARALLELS

После присоединение к России в 1783 году Крым превратился в важный этап «большого путешествия» молодых британцев. Других на полуостров привели деловые проекты и прочие обстоятельства. Опубликованные путешественниками травелогии оказали существенное влияние на формирование образа Крыма в общественном сознании. В них смешались эмпирические наблюдения, культурные стереотипы и результаты научного анализа. Сопоставление описаний Крыма и белорусских земель позволяет понять внутреннюю логику травелогов, выявить особенности использованных авторами познавательных моделей, определить способы восприятия других стран представителями западноевропейской культуры.

Ключевые слова: записки путешественников; Крым; русско-британские связи; историческая имагология; межнациональные стереотипы.

Following its reunification with Russia in 1783, the Crimea became an important stage of the Grand Tour performed by the young British. The others were brought to the Crimea by business plans or specific life circumstances. Their travelogues made a contribution to the shaping of the image of the Crimea in the public mind, which mixed empiric observations and cultural stereotypes with scientific analysis. Comparative analysis of the travelogues uncovering the Crimea and Belorussian lands uncovers the travelogues' internal logics, their authors' interpretive models, and the ways how Western European cultures apprehended the other lands.

Keywords: travelogues; Crimea; Russian-British connections; historical imagology; international stereotypes.

После присоединение к России в 1783 г. Крым превратился в важный этап «большого путешествия» («grand tour»), предпринимавшегося молодыми британцами для получения практических знаний о мире. Были и другие жизненные обстоятельства, приводившие на полуостров англичан и шотландцев. Путешественники и их наследники издали путевые дневники, иногда значительно расширенные в результате кабинетной работы после возвращения домой. В течение десятилетий эти работы были основными источниками, рассказывавшими англоязычной публике о далеких экзотических странах. Травелогии оказали существенное влияние на формирование образа Крыма в общественном сознании [16]. Этот образ повлиял на практические действия политиков и бизнесменов. Так, например, рассказы о выдающихся экономических перспективах Крыма привлекли на полуостров российских помещиков и иностранных колонистов, многим из которых пришлось испытать большое разочарование. Мечтая о доходах, которые обещало вне-

дрение передовых методов ведения хозяйства на плодородных землях в условиях благоприятного климата, они не учли ряд практических аспектов, в том числе отсутствие свободной рабочей силы, развитого внутреннего рынка, инфраструктуры, обеспечивающей связь с внутренними регионами России, безветренный климат, регулярные нашествия саранчи, неурегулированные земельные отношения и пр. С другой стороны, внешнеполитические противники России в эпоху Наполеона или в канун Крымской войны вспоминали рассказы путешественников прежних времен о злосчастной судьбе крымских татар под игом русского царя и о желательности отторжения полуострова от Российской империи [4, с. 38–52, 84, 88, 292, 295, 296, 406, 407]. Эти обстоятельства обуславливают значение записок путешественника как исторического источника.

Травелогии представляют собой смесь литературных топосов и натуральных наблюдений, популярных стереотипов и результатов научного анализа. Понять внутреннюю логику источников, выявить

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

особенности использованных авторами познавательных моделей, отделить эмпирические данные от проекций собственного культурного багажа зачастую помогает сопоставление описаний разных фронтальных регионов. В XVIII в. в культуре западноевропейского Просвещения сформировалось представление о Восточной Европе как особом регионе, задержавшемся в развитии и потому совместившем черты «цивилизации» и «варварства». На него проецировались собственные фобии, ему приписывались негативные социальные и культурные особенности. Противопоставление с ним помогло западноевропейским интеллектуалам осознать и продемонстрировать преимущества собственной культуры [1]. Поэтому записки путешественников содержат массу стереотипов, среди которых, например, рассуждения о лени, якобы присущей жителям Востока (которые полностью игнорируют специфические отношения к прибыли в мусульманской культуре), или об их экзотических сексуальных практиках [4, с. 295, 296, 337–343; 1, с. 98–122]. Не случайно описания Крыма демонстрируют сходство с рассказами западноевропейцев о столь разных регионах, как Норвегия или Бразилия, Греция или украинское Поднепровье. Следовательно, сопоставление образов Тавриды и белорусских земель может выявить свойственные путевым запискам стереотипы и шаблоны, определить интересы путешественников и использованные ими механизмы осмысления и описания других культур. Представляется, что определенному сходству описаний способствовала близость исторической судьбы двух пограничных регионов, которые лишь недавно вошли в состав Российской империи. Отметим, что некоторые путешественники (Роберт Пинкертон, Мери Хоулдернесс, Джеймс-Эдвард Александер) побывали и в Крыму, и на белорусских землях (которые они, правда, предпочитали определять в категориях российских, польских или литовских) [5, с. 18].

История культурных связей западной и южной окраин Российской империи изучена плохо. Но об их существовании свидетельствует, например, история Станислава Сестренцевича-Богуша, католического архиепископа могилевского, гуманиста и исследователя, немало сделавшего для просвещения на белорусских землях [3]. Но многочисленные пастырские обязанности не помешали ему подготовить одну из первых историй Крыма, которая не просто обосновывала исторические права России на полуостров, но и заложила схему того исторического нарратива, которую историография продолжает использовать и сегодня.

В отличие от белорусских земель, Крым изначально был осмыслен как особый историко-культурный регион, отражением чего стало

включение его названия в титулы сочинений путешественников. Длинные по обычаю эпохи, они сообщали читателю о маршруте поездки и о том, куда тому предстояло мысленно переместиться вслед за автором. Название Крыма делало дополнительную рекламу путевым запискам, ведь интерес к новому владению России был велик.

Жанр путевых записок предполагал обсуждение общих тем. Среди них придорожные пейзажи и погодные условия, качество дорог и гостиниц, особенности хозяйства местных жителей и истории увиденных регионов. Иностранцы в целом нейтрально описывали белорусские поля и леса, холмы и болота [2, с. 98–100]. Иное дело – Крым. Двигавшимся с востока путешественникам нужно было переправиться через Керченский пролив, разграничивавший, согласно усвоенной авторами Просвещения античной традиции, Европу и Азию. Возникал эффект ожидания чудес, которые предстояло увидеть в Тавриде. Это хорошо прослеживается в письмах Эдварда-Даньела Кларка (1800). Разочарованный «дурным воздухом, дурной водой, дурной пищей, дурным климатом, дурными людьми» Азии, путешественник пришел в восторг, вообразив себе богатство античного наследия Крыма и грядущую славу его исследователя [13, р. 292–295]. Тем же, кто ехал с севера, через Перекопский перешеек, приходилось двигаться по бескрайней унылой степи. Как писала Элизабет Крейвен (1786), «я пересекла Перекопские равнины, где нет ничего, кроме массы грубой травы, выгорающей в определенное время года. Вся эта страна <...> называется Степью, а я бы назвала ее пустыней...» [12, р. 159]. Утомительная поездка усиливала эмоциональные переживания путешественников, когда те, наконец, достигали южной части полуострова, где глаз радовали горы с плодородными долинами, в которых располагались романтические города и села с памятниками мусульманской архитектуры, а еще дальше, за горами, – прекрасный южный берег с буйной средиземноморской природой и живописными пейзажами. По словам Кларка, «если и существует земной рай, то его можно отыскать в местности между Кучук-Коем и Судаком, на южном берегу Крыма» [9, р. 252].

Но и в этом раю были свои недостатки. Реджинальд Хебер (1806) советовал своему другу, собравшемуся отправиться по его стопам, оставить экипаж в Симферополе, потому что дороги на южном берегу были пригодны лишь для всадников. В отсутствие гостиниц сносный ночлег можно было отыскать в домах крымских татар, но не у представителей других народов (впрочем, постоянные двory и трактиры в остальной части Крыма были в лучшем случае жалкими). Наняв проводника (он же переводчик), следова-

ло быть готовым к плутовству – впрочем, свойственному и другим местным жителям, исключая мусульман. Климат был болезнетворен, и неподготовленный европеец легко мог подхватить лихорадку. Но эти сложности с лихвой искупались красотой и необычностью страны [17, р. 310–315]. Похожие жалобы на низкий уровень инфраструктуры, сервиса и гостиниц, а также склонность местных жителей использовать путешественников как источник легких денег можно найти в записках ездивших по белорусским землям [2, с. 82–85, 95–96; 5, с. 25, 32–35]. Путешественники по Крыму подчеркивали дружелюбие и гостеприимство мусульман, готовых разделить с иностранцами стол и кров, нередко отказываясь от оплаты. Главное было не показаться им российским чиновником или офицером, злоупотребления которых побуждали крымских татар отказывать им в традиционном для мусульман гостеприимстве [11, р. 188; 17, р. 262, 263].

В новых странах путешественникам приходилось сталкиваться с кухней, использовавшей непривычные продукты, способы приготовления и порядок подачи блюд на стол. Как правило, результат им не нравился. Потому неудивительны соответствующие жалобы ездивших по белорусским землям [5, с. 35]. Другое дело, что экзотические блюда и напитки позволяли путешественникам украсить страницы своих травелогов яркими, запоминающимися деталями. «Кухонные вопросы» позволяли им также продемонстрировать читателям свою принадлежность к избранной, высокой культуре. Крейвен везла с собой чайные принадлежности и с удовольствием описывала чаепитие в бескрайней татарской степи [12, р. 161]. Чайник был символом принадлежности путешественницы к английской культуре и, следовательно, цивилизации [1, с. 197]. Правда, ей приходилось покупать у местных жителей молоко. Хебер советовал «быть осторожным с фруктами и жирной пищей», чтобы уберечься от крымской лихорадки [17, р. 314]. Для Кларка, как уже говорилось, дурная пища была одним из важных показателей нецивилизованности, «азиатскости». Зато он выдвинул фантастический план внедрения крымского сорта огурцов у себя на родине, поскольку на собственном опыте оценил их вкус, размер и урожайность. «Этот плод <...> стал бы ценным растением для бедняков, если бы получилось акклиматизировать его в других регионах Европы» [9, р. 262].

Крым с его обширными виноградниками давал возможность оценить продукцию местных виноделов. Агроном Артур Янг, пытавшийся учредить в Крыму образцовое поместье, применив передовую английскую технику, семена и технологии, писал жене (1810) о своем отличном здо-

ровье, которым был обязан не только распорядку дня, физическим упражнениям и купаниям, но и привычке пить «умеренно, и никогда воду, но всегда смешивая ее с вином или коньяком» [10, р. 391]. Впрочем, о происхождении столь полезных напитков он умолчал, а слава крымских вин в исследуемую эпоху была, скорее, сомнительной. Хебер категорично заявил, что «всё вино, которое мы пробовали, плохое и голодное» [17, р. 255], иначе говоря, оно имело недостаточно выраженный вкус, было недоделанным. Мери Хоулдернесс, которая четыре года провела в Крыму (1816–1820), отметила, что, хотя «грех пьянства у татар в Крыму встречается очень редко», они нередко обходят соответствующие запреты своей религии. «Многие из них пьют коньяк без всяких угрызений совести, ссылаясь на то, что Магомет запрещал лишь использование перебродивших алкогольных напитков <...> Я видела, как они пьют пиво, что должно было бы быть не менее предосудительно при этом взгляде на закон, чем вино, но им не сообщили, каким образом оно сделано» [11, р. 251].

Важной составляющей травелогов были этнографические описания. Проезжавшие через белорусские земли иностранцы рассказывали о местных жителях [2, с. 157–168]. Оказавшихся же в Крыму путешественников удивляло разнообразие его этнических типов. Кларк даже уподобил полуостров «зверинцу живых редкостей» [9, р. 221, 222]. Уникально сочинение Хоулдернесс, представлявшее собой подробное описание различных этноконфессиональных групп – крымских татар, армян, евреев, караимов, греков, болгар, русских, поляков, меннонитов. Здесь нашлось место самым разным аспектам их жизни – от хозяйства и костюма до брачных обычаев и суеверий. Будучи женщиной, она смогла подружиться с мусульманками и увидеть те стороны их повседневной жизни, которые укрылись от путешественников-мужчин [11, р. 107–316]. В Крым она добиралась кружным путем – из Англии морем до Риги, а оттуда в экипажах на юг. В ее рассказе о путешествии через Полоцк, Могилев и Гомель нашлось место для перечисления некоторых «русских» обычаев [11, р. 32–55].

Описывая различные экзотичные этноконфессиональные группы, иностранцы были склонны к обобщению и типизации, когда из нескольких примеров, известных по собственному опыту, выводили общие свойства национального характера. Так, для Хебера «плутовство и низость» свойственны были абсолютно всем русским, грекам, евреям и армянам. Порядочными можно было назвать лишь мусульман [17, р. 310]. По словам Хоулдернесс, прибывшие в Крым из Анатолии греки были сутяжниками и стяжате-

лями, немецкие колонисты – тугодумами, болгары имели «возвышенный характер», армяне оказались нацией лавочников, караимы – весьма почтенными людьми, моральный облик крымских крестьян (то есть русских и украинцев) был исключительно порочен и груб, а крымские татары испытывали отвращение к труду [11, р. 144, 162, 163, 175, 178, 205, 217, 275].

Некоторые путешественники наделяли жителей Востока Европы чертами «естественного человека», известного по трудам Жан-Жака Руссо. Эти неиспорченные цивилизацией люди вели свободную жизнь на лоне природы, довольствуясь минимумом материальных благ и не зная преступлений. Черты подобного дискурса можно обнаружить в описании белорусских крестьян у немецкого автора Андреаса Меллера [2, с. 185]. В Крыму похожую роль играли татары. Вот характерный отрывок из книги Хоулдернесс: «В простой жизни татар можно обнаружить многие черты сходства с тем, что сказано в Писании о начале истории. И сейчас, как и тогда было в обычае, их богатство заключается в стадах, отарах и численности их семейства. Таковы и многие из их семейных обычаев. Не так удивительно то, что при настолько простом образе жизни обнаруживается так много общего, как то, что народ, проживший несколько столетий в контакте с более цивилизованными нациями, до сих пор сохраняет нравы, которые были присущи человечеству ещё до того, как знание просветило мир, а торговля его обогатила» [11, р. 217, 218].

Традиционным интересом путешественников по востоку Европы пользовались евреи. После разделов Польши Российская империя оказалась страной с крупнейшим в мире еврейским населением. Местные евреи не были эмансипированы, сохраняя традиционную одежду, образ жизни, культуру бытового поведения, религию и прочие черты. Немудрено, что путешественники по белорусским землям более или менее подробно описали этот необычный народ [1, с. 69; 2, с. 168; 5, с. 22–25]. В Крыму еврейская культура окзалась в тени того впечатления, которое на иностранцев произвели неталмудические иудаисты – караимы, говорившие на тюркском языке. Так, Хоулдернесс довольно критично описала евреев, с которыми встречалась во время путешествия по землям бывшей Речи Посполитой (включая белорусские). В Крыму же она предпочла рассказывать о караимах, хотя и не всегда точно разграничивала эти этноконфессиональные группы [11, р. 26, 32, 33, 74, 92, 178–181, 185, 188, 216, 269].

Путешественники подчеркивали контраст между евреями и караимами, касавшийся не только внешнего вида или бытовых особенностей, но и моральных качеств. По словам Кларка,

«характер евреев-караимов прямо противоположен тому, что обычно приписывают их собратьям в других странах, будучи, в общем, безупречными. Их честность вошла в поговорку в Крыму, а слово караима считается равным клятве» [9, р. 193]. Удивление вызывал и уединенный образ жизни караимов, большая часть которых сгруппировалась в городе на вершине горного плато Чуфут-Кале близ Бахчисарая, отделенном от остального Крыма обрывами и отвесными скалами. Охватывавшее иностранцев любопытство передают слова Кларка: «Нас очень интересовал а ...» сама уникальная ситуация, в которой оказалось это еврейское поселение, вероятно, единственное на Земле, где этот народ существует в уединении от прочего человечества, свободно практикуя свои древние обычаи и причуды» [9, р. 190, 191]. Впрочем, Филип-Йорк Ройстон (1807) умудрился перепутать Чуфут-Кале с Карасубазаром (совр. Белогорск), как если бы караимская колония оказалась в этом равнинном городе, километрах в 70 к северо-востоку от ее реального места [15, р. 170, 171]. Письма Ройстона отцу, по-видимому, не редактировались перед публикацией. Остается только догадываться, что было причиной такой ошибки. Быть может, на автора повлияла болезнь, на которую он регулярно жаловался, или же его обманул проводник.

В белорусских землях обращали внимание на грязь на городских улицах [5, с. 29]. Чистоту воспринимали как один из критериев, отделяющих цивилизацию от варварства. Не обошлось без подобных рассуждений и в описаниях Крыма, причем споры вызвал вопрос о чистоплотности крымских татар. Так, Крейвен обратила внимание на грязь на улицах и в домах мусульман разного социального статуса, причем грязны были даже стены мечетей [12, р. 160, 168, 173]. По ее словам, татарские дамы «свои рубашки, как и рубашки мужчин, сделанные главным образом из шелка или шелка, смешанного с хлопком, переменяют редко; но то, что они очень часто ходят в баню, делает этот обычай менее противным, чем он был бы в других обстоятельствах» [12, р. 174]. Хебер знал о подобных оценках и не согласился с ними. По его мнению, «что вряд ли является признаком праздности, одинаково чисты и их [татар. – Н. Х.] дома, и одежда, и они сами» [17, р. 263].

Однако путешественника удивило отсутствие у крымских татар лекарств. «На вопрос, какие у них есть средства от болезней, они дали замечательный ответ: “Мы кладём заболевшего человека на кровать; и, если Бог даст, он выздоравливает...”» [17, р. 263]. Хоулдернесс писала, что «Татары носят огромное количество оберегов и амулетов, хранящих их от болезни и других напа-

стей». Суеверия были свойственны не только беднякам, но и мурзам – татарской знати [11, р. 252]. Впрочем, представители других народов не были исключением. По словам путешественницы, несмотря на трагические последствия эпидемии оспы, крымские греки наотрез отказывались от прививок. Англичанка попыталась убедить их собственным примером, сделав прививку своему младшему сыну – но если греческие мужчины были готовы с ней согласиться, то гречанки наотрез отказались от вакцинации детей. «Причина этого обнаружилась, конечно же, в их вере в предопределение: “То, что предназначено богом, – говорят они, – то и сбудется”» [11, р. 153, 154].

Европейцы нередко становились жертвами экзотических болезней, что может отчасти объясняться непривычным климатом и ослаблением организма из-за долгого путешествия. Ройстон писал, что он и его компаньон Пойнсетт страдали от лихорадки, связанной со значительным ослаблением зрения, которую подхватили на Юге России. Из их четырех слуг в живых остался лишь один – «крепкий негр Пойнсетта, который, хотя сильно страдал, перенес климат лучше, чем любой из нас» [15, р. 168, 169]. Кларк, не переставший жаловаться на лихорадку, которую он подхватил в болотах близ Инкермана, понимал, что эти слова не вполне соответствуют рассказам о райской природе южного берега Крыма. Потому он решил, что Крым благостен только для своих «природных жителей», тогда как для пришельцев он летален [9, р. 296, 297].

Хоулдернесс пришлось на 10 дней задержаться в Полоцке, и она с сожалением отметила: «В этом городе мало что может занять время или привлечь наше внимание» [11, р. 32]. Таким было важнейшее отличие белорусских городов и сел от Крыма, где путешественников удивляла невиданная концентрация архитектурных и археологических памятников разных эпох и культур. Конечно, нельзя утверждать, что проезжавших по белорусским землям совсем не интересовала их история. Так, во втором десятилетии XIX в. их привлекали места, связанные с русским походом Наполеона [5, с. 31, 32]. Кроме того, некоторых интересовали вопросы происхождения белорусов и их языка [2, с. 161, 162]. Но этот интерес не сравним с энтузиазмом, который вызывали у иностранцев крымские древности. Увлеченный античностью Кларк даже решил, что греко-римские памятники Крыма превосходят монументы собственно Греции. «Мы стоим по колено в древностях, обломав ноги о поучительные мраморы, которые многие годы, вплоть до нашего прибытия, беседовали лишь с жабами и ящерицами. Никогда я не был настолько очарован путешествием, как сейчас. Может ли Греция быть интересней тех стран, где

сохранились основы ее первых колоний, в которых мы роемся?» [13, р. 292].

На Крымском полуострове можно было увидеть сооружения из искусственных пещер византийской эпохи, крепости средневековых генуэзцев и, разумеется, мусульманские древности. Особое внимание путешественников привлекал Бахчисарай, хотя многочисленные мечети, бани, жилые дома и фонтаны можно было увидеть также в Феодосии, Старом Крыме или Евпатории. Джон Паркинсон (1793) был впечатлен видом Бахчисарая, открывшегося с вершины ближайшей горы: «Город лежал у наших ног, украшенный вкраплением минаретов, куполов и садов, в которых очень приятное впечатление производят тополя. Пусть и значительно сократившись в размерах, он до сих пор заполняет всю лощину между двумя горами <...> Дополнительный интерес панораме придают Еврейская Деревня [Чуфут-Кале – Н. Х.] на возвышенности справа, на некотором расстоянии, и, неподалеку от неё, узкая лесистая романтическая долина, в которой была сельская резиденция хана» [14, р. 193, 194]. Центром ландшафта, сочетавшего природные красоты и памятники разных культур и религий, была резиденция крымских ханов. По словам Хебера, «самая поразительная вещь – это <ханский> дворец, который, не будучи ни большим, ни правильно спланированным, тем не менее, благодаря живописному стилю своей архитектуры, своей резьбе и позолоте, своим арабским и турецким надписям, и фонтанам прекрасной воды в каждом дворе, заинтересовал меня более чем я могу выразить» [17, р. 259, 260].

Пытаясь осмыслить прошлое Крымского полуострова, шотландец Маттью Гатри создал книгу в жанре вымышленного путешествия (1802). Материалы для нее он собирал в Петербурге, где несколько десятков лет служил врачом. Эта книга представляет собой серию писем, якобы отправленных покойной супругой Гатри, ездившей в Крым для поправки здоровья. В действительности шотландец сам создал эти письма, изложив в них свое видение прошлого Крыма и почтив таким образом память горячо любимой жены [8]. Мистификация оказалась настолько удачной, что труд Гатри до сих пор считают образцом дамского травелога, цитируя приключения его мнимой героини в далеком краю.

Путешественники по белорусским землям обращали внимание на контраст между полуразрушенными дворцами и жалкими лачугами, словно бы остатками бывшего величия [1, с. 68]. Похожее настроение охватывало и ездивших по Крыму. Вот, например, что писал Хебер о Каффе (Феодосии), которая в генуэзское и османское время была крупным и процветающим черно-

морским портом: «Каффа теперь лежала по нашей левой руке, и, когда мы приблизились к ней с этой стороны, оказалась мрачнейшим зрелищем. В северо-восточной части залива находятся замечательные развалины, которые раньше были монетным двором, а стены и башни, хотя и разобраны, весьма хороши. Город поднимается, словно театр, от границы воды, и занимает значительное пространство, но практически полностью разрушен» [17, р. 252]. Особенно ярки описания Кларка. По его словам, новые хозяева полуострова целенаправленно разрушали памятники культурного наследия. Особенно шокировал читателей рассказ о безжалостном уничтожении древнегреческих городов, ведь античность считали колыбелью европейской цивилизации. «Если [Эгейский] Архипелаг когда-нибудь попадёт во власть русских, прекрасные остатки Древней Греции будут разрушены, Афины будут снесены до основания, не останется и камня, показывающего, где стоял город. По сравнению с русскими турки обладают вкусом и глубокой учёностью», – писал Кларк [9, р. 207]. Путешественник рассказывал о разрушении археологических объектов, чтобы аргументировать свою главную мысль: Россия представляет угрозу цивилизации, ее правление пагубно для жителей Крыма, потому европейским державам следует изгнать русских и передать полуостров османам [7].

В записках Кларка и некоторых других европейских путешественников возникло представление о ханской эпохе как об ушедшем в прошлое золотом веке в истории Крыма. Другие (в большинстве своем русские) наблюдатели воспринимали полуостров по-другому – как девственную землю, которую путем рациональных усилий, внедрения передовых хозяйственных технологий, государственных инвестиций, строительства городов, привлечения опытных колонистов только предстояло сделать процветающей и «цивилизованной» [4, с. 406, 407]. Подобные мысли отразили некоторые британские травелоги. Крейвен задумалась о размещении в Крыму английских поселенцев: «Признаюсь, что хотела бы увидеть здесь колонию честных английских семейств, учреждающих мануфактуры и возвращающих продукцию этой страны в нашу, учреждающих честную и свобод-

ную торговлю из этих мест...» [12, р. 177]. Эту идею она изложила и в письме к наместнику Юга России Григорию Потемкину, который, впрочем, ее проект не поддержал [6, с. 283, 284]. Хебер рассказал о планах губернатора и купцов Феодосии вернуть городу былое торговое значение, учредив в нем банк и наладив связь с Ростовом (а через него, вероятно, и внутренними губерниями России). Товары из Кафы должны были везти по суше в Арабат, а далее на плоскодонных лихтерах отправлять через Азовское море. Впрочем, путешественник сомневался в реалистичности данного проекта [16, р. 207, 208, 254]. Хоулдернесс уже могла оценить первые результаты российских программ по развитию юга, а также описать переселившихся в Крым выходцев из разных стран. Англичанка довольно скептически отнеслась как к экономическим последствиям колонизационных предприятий, так и к их влиянию на моральные качества местных жителей [11, с. 196–207]. Закончилось крахом и крымское предприятие Янга [10, р. 399–402].

Таким образом, рассказы путешественников конца XVIII – начала XIX в. о белорусских землях и о Крымском полуострове имеют некоторые общие черты. Очевидно, сходство ряда обсуждаемых тем, таких как дороги и гостиницы, этническая специфика местного населения или история увиденных краев, обусловлено спецификой жанра травелога. Характерны и жалобы на физический и эмоциональный дискомфорт. Многие субъективные трудности путешественников по Восточной Европе продиктованы столкновением с незнакомой культурной средой. Были и объективные проблемы – незнакомый климат, пища, слабо развитая инфраструктура. Более низкий уровень экономического и социального развития окраин Российской империи способствовал формированию тенденциозных и даже расистских суждений. Распространены были обобщения, когда негативные (реже – позитивные) наблюдения из собственного опыта общения с местными жителями переносили на всю этническую группу. Несмотря на огромное расстояние между Крымом и белорусскими землями, некоторые авторы смогли оставить описание обоих регионов, тем самым поместив их в один литературный и культурный контекст.

Список использованных источников

1. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф; пер. с англ. И. И. Федюкин. – М.: НЛЮ, 2003. – 550 с.
2. Грыцкевіч, А. Шляхі вялі праз Беларусь / А. Грыцкевіч, А. Мальдзіс. – Мінск: Маст. літ., 1980. – 272 с.
3. Попов, М. А. Митрополит С. Богущ-Сестрэнцевіч: фарміраванне правіцельскай палітыкі па адношэнню к Рымска-каталіцкай царквы на беларускіх землях (канец XVIII – першая чвэрць XIX в.) / М. А. Попов, А. И. Ганчар. – Гродно: ГГАУ, 2012. – 278 с.

4. Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / ред. Н. И. Храпунов, Д. В. Конкин. – Севастополь: Альбатрос, 2017. – 424 с.
5. Радзюк, А. Беларускія землі вачыма іншаземцаў у першай палове XIX ст. / А. Радзюк // АРСНЕ. – 2014. – № 1–2. – С. 15–36.
6. Себаг-Монтефиоре, С. Потемкин / С. Себаг-Монтефиоре; пер. с англ. Н. Сперанская, С. Панов. – М.: Вагриус, 2003. – 560 с.
7. Храпунов, Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии / Н. И. Храпунов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 3. – С. 116–132.
8. Храпунов, Н. И. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма / Н. И. Храпунов, Н. В. Гинькут // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 157–170.
9. Clarke, E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey / E. D. Clarke. – 4th ed. – Vol. 2. – London: T. Cadell and W. Davies, 1817. – 524 p.
10. Gazley, J. G. The Reverend Arthur Young, 1769–1827: Traveller in Russia and Farmer in the Crimea / J. G. Gazley // Bulletin of the John Rylands Library. – 1955–1956. – Vol. 38. – P. 360–405.
11. Holderness, M. Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Colonists of New Russia / M. Holderness. – 2nd ed. – London: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. – 316 p.
12. Letters From the Right Honorable Lady Craven, to His Serene Highness the Margrave of Anspach, during Her Travels through France, Germany, and Russia in 1785 and 1786. – 2nd ed. – London: A. J. Valpy, 1814. – 316 p.
13. Otter, W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke, Professor of Mineralogy in the University of Cambridge / W. Otter. – New York: J. & J. Harper, 1827. – 528 p.
14. Parkinson, J. A Tour of Russia, Siberia and the Crimea. 1792–1794 / J. Parkinson; ed. W. Collier. – London: Frank Cass, 1971. – 280 p.
15. Pepys, H. The Remains of the Late Viscount Royston, with a Memoir of His Life / H. Pepys. – London: John Murray, 1838. – 332 p.
16. Sasse, G. The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict / G. Sasse. – Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 2007. – 400 p.
17. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. – New York: Protestant Episcopal Press, 1830. – Vol. I. – 638 p.

Дата поступления: 24.08.2018.

Сцебурака А. М.
Нацыянальная бібліятэка Беларусі, Мінск

Stseburaka A.
National library of Belarus, Minsk

УДК 930(476)(092)

НЕРАЗБУРАНАЯ ЛЕГЕНДА: ФРАНЦУЗСКИ СЛЕД ТЭАДОРА НАРБУТА

UNBREAKABLE LEGEND: FRENCH TRACE OF TEODOR NARBUTT

Артыкул прысвечаны таямніцы біяграфіі Тэадора Нарбута ў 1812 годзе і яго творчай спадчыне (тапаграфічнаму плану горада Вільна).

Ключавыя словы: Тэадор Нарбут; вайна 1812 года; бібліятэка Нарбута; творчая спадчына Нарбута.

The article is dedicated to the mystery of Teodor Narbutt's biography in 1812 and his creative heritage (Vilnius topographic plan).

Keywords: Teodor Narbutt; the war of 1812; Narbutt's library; the creative heritage of Narbutt.

Тэадор Яўхімавіч Нарбут (1784–1864) – адзін з найбольш заўважных дзеячаў беларускай гістарычнай навукі першай паловы XIX стагоддзя. Ён пакінуў значны след у археалогіі, археаграфіі, фалькларыстыцы і музейнай справе. Аднак яго навуковы ўнёсак, на жаль, нельга назваць без-

дакорным. Апаненты небеспадстаўна папракалі Нарбута ў фальсіфікацыях і вельмі вольным выкарыстанні гістарычных фактаў. Тым не менш, забываць гэту выбітную постаць першай паловы XIX стагоддзя было б злачынствам. Дзень нараджэння Тэадора, які па старым стылі прыпадае